

Фиалки по средам (сборник)

Автор:

[Андре Моруа](#)

Фиалки по средам (сборник)

Андре Моруа

Эксклюзивная классика (АСТ)

«Фиалки по средам» (1953 г.) – сборник новелл Андре Моруа, прославивший писателя еще при жизни. Наверное, главное достоинство этих рассказов в том, что они очень жизненны, очень правдивы. Описанные писателем ситуации не потеряли своей актуальности и сегодня. Читатель вслед за Моруа проникнется судьбой этих персонажей, за что-то их жалеет, над чем-то от души посмеется, а иногда и всерьез задумается.

Андре Моруа

Фиалки по средам

(сборник)

Andre Maurois

POUR PIANO SEUL

© Heritiers Andre Maurois, Anne-Mary Charrier Marseille, France, 2006

© Перевод. С. Тарханова, наследники, 2015

© Перевод. Ю. Яхнина, наследники, 2009

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

Биография

[1 - © Перевод. Ю. Яхнина, наследники, 2013.]

Лампы, освещавшие большую столовую, были затенены – в этом году в Лондоне была мода обедать в полумраке. Эрве Марсена, отыскав свое место за столом, увидел, что его посадили рядом с очень старой дамой в жемчугах – леди Хемптон. Эрве ничего не имел против такого соседства. Дамы преклонных лет обычно бывают снисходительны и нередко рассказывают забавные истории. А леди Хемптон, судя по насмешливому выражению ее глаз, была наделена к тому же живым чувством юмора.

– На каком языке вы предпочитаете говорить, господин Марсена? На французском или на английском?

– Если не возражаете, леди Хемптон, я предпочитаю французский.

– Однако пишете вы на английские темы. Я читала вашу «Жизнь Джозефа Чемберлена». Она меня позабавила, я ведь знала всех этих людей. А над чем вы работаете сейчас?

Молодой француз вздохнул:

– Моя мечта – написать книгу о Байроне, но о нем уже столько написано... Правда, найдены новые материалы – письма Мэри Шелли, бумаги графини Гвичьоли. Но все это уже опубликовано. А я хотел бы обнаружить какие-нибудь неизвестные документы, но ничего не могу найти.

Старуха улыбнулась:

– А что, если я открою вам одно совершенно неизвестное похождение Байрона...

Эрве Марсена весь невольно подобрался, словно охотник, внезапно заметивший в кустах оленя или кабана, словно биржевик, которому вдруг открыли, какие акции подскочат на бирже.

– Совершенно неизвестное похождение Байрона? Да разве это мыслимо, леди Хемптон, когда написаны груды исследований?

– Пожалуй, я преувеличила, назвав его совершенно неизвестным, потому что имя героини уже упоминалось биографами. Я имею в виду леди Спенсер-Свифт.

Эрве разочарованно скривил губы:

– Ах вот кого... Да, да, я слышал... Но ведь об этой истории никто ничего не знает наверняка.

– Дорогой господин Марсена, разве о подобных вещах можно вообще что-нибудь знать наверняка?

– Конечно, леди Хемптон. В большинстве случаев мы располагаем письмами, документами. Правда, порой письма лгут, а свидетельства не вызывают доверия, но на то и существует критическое чутье исследователя...

Обернувшись к своему собеседнику, леди Хемптон поглядела на него в старинный лорнет.

– А что вы скажете, если я предоставлю вам дневник леди Спенсер-Свифт (ее звали Пандора), который она вела во время своей связи с Байроном? И письма, которые она от него получала?

Молодой француз вспыхнул от удовольствия.

– Я скажу, леди Хемптон, как говорят индусы, что вы – отец мой и мать моя. Благодаря вам я напишу книгу... Но у вас действительно есть эти документы?..

Простите мой вопрос... Все это настолько невероятно...

– Нет, – ответила она. – У меня этих документов нет, но я знаю, где они находятся. Они принадлежат нынешней леди Спенсер-Свифт, Виктории, моей подруге по пансиону. Виктория до сих пор никому не показывала этих документов.

– Почему же она вдруг покажет их мне?

– Потому что я попрошу ее об этом... Вы еще плохо знаете нашу страну, господин Марсена. Здесь на каждом шагу вас подстерегают тайны и неожиданности. В подвалах и на чердаках наших загородных вилл хранятся истинные сокровища. Но владельцы ничуть ими не интересуются. Вот когда кто-нибудь разоряется и дом продают с молотка, архивы выходят на свет Божий. Если бы не предприимчивый и упорный американец, обнаруживший пресловутые бумаги Босвелла, они так и остались бы навсегда в ящике от крокетных шаров, где их спрятали.

– Вы полагаете, что предприимчивый и упорный француз может добиться такого же успеха, хотя он и не располагает теми тысячами долларов, которыми американец оплатил бумаги Босвелла?

– Вик Спенсер-Свифт долларами не прельстишь. Она моя ровесница, ей за восемьдесят, и ей вполне хватает своих доходов. Вик покажет вам бумаги из расположения к вам, если вы сумеете его заслужить, а кроме того, в надежде, что вы нарисуете лестный портрет прабабки ее мужа.

– Лорда Спенсер-Свифта нет в живых?

– Не лорда, а баронета... Сэр Александр Спенсер-Свифт был последним в роду носителем этого титула. Виктория все еще живет в том самом доме, где гостил Байрон... Это прелестная усадьба елизаветинских времен в графстве Глостер. Хотите попытать счастья и поехать туда?

– С восторгом... если я получу приглашение.

– Это я беру на себя. Я сегодня же напишу Вик. Она наверняка вас пригласит... Не пугайтесь, если письмо будет составлено в резких выражениях. Виктория считает, что привилегия нашего преклонного возраста – говорить все, что вздумается, напрямик. С какой стати церемониться? Чего ради?

Несколько дней спустя Эрве Марсена ехал на своей маленькой машине через живописные деревушки графства Глостер. Минувшее лето было, по обыкновению, дождливым, и это пошло на пользу деревьям и цветам. В окнах даже самых скромных коттеджей виднелись роскошные букеты. Дома, сложенные из местного золотистого камня, были точно такими, как во времена Шекспира. Эрве, весьма чувствительный к поэтическим красотам английского пейзажа, пришел в восторг от парка Виндхерст, как называлось поместье леди Спенсер-Свифт. Он проехал по извилистым дорожкам мимо поросших густой травой, аккуратно подстриженных лужаек, исполинские дубы обступали их со всех сторон. Среди зарослей папоротника и хвоща поблескивал пруд. Наконец Эрве увидел замок и с бьющимся сердцем затормозил у входа, увитого диким виноградом. Он позвонил. В ответ ни звука. Прождав минут пять, Эрве обнаружил, что дверь не заперта, и толкнул ее. В темном холле, где на креслах лежали груды шарфы и пальто, – ни души. Однако из соседней комнаты слышался монотонный голос, бубнивший, казалось, заученный текст. Француз подошел к двери и увидел продолговатую залу, увешанную большими портретами. Группа туристов сгрудилась вокруг величественного butler'a [2 - Дворецкий (англ.)] во фраке, темно-сером жилете и полосатых панталонах.

– Вот это, – говорил butler, указывая на портрет, – сэра Уильяма Спенсер-Свифт (1775–1835). Он сражался при Ватерлоо и был личным другом Веллингтона. Портрет кисти сэра Томаса Лоренса, так же как и портрет его супруги, леди Спенсер-Свифт.

Среди слушателей пробежал шепот:

– Той самой...

Дворецкий с заговорщическим видом едва приметно кивнул головой, не теряя при этом достоинства и важности.

– Да, – добавил он, понизив голос до шепота, – той самой, что была возлюбленной Байрона. Той, которой он посвятил знаменитый сонет «К

Пандоре».

Двое туристов начали декламировать первую строфу. Дворецкий величественно кивнул головой.

– Совершенно верно, – подтвердил он. – А это – сэр Роберт Спенсер-Свифт, сын предыдущего (1808–1872). Портрет писан сэром Джоном Миллесом.

И, склонившись к своей пастве, он доверительно сообщил:

– Сэр Роберт появился на свет через четыре года после того, как Байрон гостил в Виндхерсте.

Молодая женщина спросила:

– А почему Байрон приехал сюда?

– Он был другом сэра Уильяма.

– Ах вот что! – сказала она.

Эрве Марсена остановился позади группы, чтобы получше рассмотреть оба портрета. У мужа, сэра Уильяма, было широкое, красное от вина, обветренное лицо. Он производил впечатление человека вспыльчивого и высокомерного. В воздушной красоте его жены сочетались величавость и целомудрие. Однако, приглядевшись повнимательнее, в чистом взгляде леди можно было уловить и затаенную чувственность, и не лишенное жестокости кокетство. Туристы уже устремились к выходу, а молодой человек все еще задумчиво разглядывал портреты. Дворецкий деликатно шепнул, наклонившись к нему:

– Простите, сэр, у вас есть билет? Вы пришли позже других... Все уже заплатили. Поэтому, если позволите...

– Я не турист. Леди Спенсер любезно пригласила меня провести здесь уик-энд и обещала показать интересующие меня документы...

– Извините, сэр... Стало быть, вы и есть молодой француз, рекомендованный леди Хемптон? Минутку, сэр, я только провожу этих людей и тотчас уведомяю ее милость... Комната вас ждет, сэр. Ваши вещи в машине?

– У меня только один чемодан.

В дни, когда леди Спенсер-Свифт открывала двери своего замка иностранным туристам – эти посещения освобождали ее от уплаты налогов, – сама она уединялась в гостиной, расположенной во втором этаже. Туда и провели молодого французa. Старая леди держалась горделиво, но без чопорности. Ее надменную осанку смягчала насмешливая прямота.

– Не знаю, как вас благодарить, – начал Марсена. – Принять незнакомого человека...

– Nonsense[3 - Чепуха (англ.)], – объявила леди. – Какой же вы незнакомец? Вы явились по рекомендации моей лучшей подруги. Я читала ваши книги. Я давно жду человека, который мог бы тактично поведать миру эту историю. Думаю, что вы как раз подходящее лицо для этого.

– Надеюсь, миледи. Но я не верю своему счастью: возможно ли, что ни один из блестящих английских биографов Байрона не опубликовал ваших документов?

– Ничего удивительного в этом нет, – объявила леди. – Мой покойный муж не разрешал показывать дневник своей прабабки ни одной живой душе. На этот счет у него были старомоднейшие предрассудки.

– А разве эти бумаги содержат нечто... ужасное?

– Понятия не имею, – сказала она. – Я их не читала. От этого бисерного почерка можно ослепнуть, да к тому же все мы прекрасно знаем, что пишут в дневниках двадцатилетние женщины, когда они влюблены.

– Но может случиться, миледи, что я обнаружу в этих бумагах доказательство... м-м... связи Байрона с прабабкой вашего мужа. Могу ли я считать, что и в этом случае я имею право ничего не скрывать?

Леди бросила на француза удивленный взгляд, в котором мелькнуло легкое презрение.

– Разумеется. Иначе для чего бы я стала вас приглашать?

– Вы – само великодушие, леди Спенсер-Свифт... А ведь многие семьи вопреки всякой очевидности защищают добродетель своих предков до тридцатого колена.

– Nonsense, – повторила старуха. – Сэр Уильям был чурбан, он не понимал своей молодой жены и вдобавок обманывал ее со всеми окрестными девками. Она встретила лорда Байрона, который был не только великий поэт, но и мужчина с ангельской внешностью и сатанинским умом. Леди выбрала лучшего. Кому придет в голову ее порицать?

Эрве почувствовал, что не стоит дальше обсуждать эту тему. Однако, не удержавшись, добавил:

– Простите, леди Спенсер-Свифт, но раз вы не читали этих дневников, откуда вы знаете, что Байрон гостил в Виндхерсте не только в качестве друга хозяина дома?

– Так гласит семейное предание, – решительно ответила она. – Мой муж знал об этом от своего отца, а тот от своего. Впрочем, вы сами сможете во всем удостовериться, потому что, повторяю, бумаги в вашем распоряжении. Сейчас я вам их покажу, а вы мне скажете, где вам удобнее работать.

Она вызвала великолепного дворецкого.

– Миллер, откройте красную комнату в подземелье, принесите туда свечи и дайте мне ключи от сейфа. Я провожу туда господина Марсена.

Обстановка, в которой очутился Марсена, не могла не подействовать на воображение. В подземелье, расположенном под нижним этажом здания и обитом красным штофом, в отличие от остальных помещений не было электричества. Пламя свечей отбрасывало вокруг дрожащие тени. К одной из

стен был придвинут громадный сейф, отделанный под средневековый сундук. Напротив стоял широкий диван. Старая леди величественно спустилась в подzemелье, опираясь на руку француза, взяла ключи и быстро повернула их в трех скважинах замка с секретным шифром, после чего Миллер широко распахнул тяжелые створки сейфа.

Перед глазами Марсена блеснуло столовое серебро, мелькнули какие-то футляры из кожи, но хозяйка протянула руку прямо к толстому альбому в белом сафьяновом переплете.

– Вот дневник Пандоры, – сказала она. – А вот письма, которые она собственноручно перевязала этой розовой лентой.

Старуха обвела взглядом подzemелье.

– Погодите-ка... Где бы нам вас пристроить... Вот за этим большим дубовым столом вам будет удобно? Да? Ну что ж, отлично... Миллер, поставьте два подсвечника по правую и левую руку от господина Марсена... Теперь запирийте сейф и пойдём. А молодой человек пусть себе работает...

– Могу ли я остаться здесь за полночь, миледи? Времени у меня немного, а мне хотелось бы прочитать все.

– Дорогой господин Марсена, – сказала леди. – Спешка ни к чему хорошему не приводит, но делайте как знаете. Вам принесут сюда обед, и больше вам никто мешать не будет. Утром подадут завтрак в вашу комнату, потом вы опять можете работать. Мы встретимся с вами в час за ленчем... Подходит вам такое расписание?

– Я в восторге, леди Спенсер-Свифт! Не могу выразить...

– И не надо. Спокойной ночи.

Эрве остался один. Он вынул из портфеля авторучку, бумагу, сел за стол и с замирающим сердцем открыл сафьяновый альбом. Старуха была права – почерк и в самом деле был мелкий и неразборчивый. Должно быть, Пандора сознательно стремилась к тому, чтобы ее записи было трудно прочитать. Альбом

мог попасть в руки мужа. Разумнее было принять меры предосторожности. Но Марсена был искушен в расшифровке самых замысловатых почерков. Он без труда разобрал каракули Пандоры. С первых же строк он не мог удержаться от улыбки. В манере изложения чувствовалась совсем молодая женщина, почти ребенок. Пандора часто подчеркивала слова – признак горячности или волнения. Дневник был начат в 1811 году, через несколько месяцев после свадьбы.

«25 октября 1811. Нынче я устала, больна и не могу сидеть в седле. Уильям уехал на охоту. Не знаю, чем заняться. Начну вести дневник. Этот альбом мне подарил мой нежно, нежно любимый батюшка. Как я сожалею, что покинула его! Боюсь, что мой муж никогда меня не поймет. У него не злое сердце, но он не догадывается, что женщине необходима нежность. Я не знаю даже, думает ли он когда-нибудь обо мне. Он чаще говорит о политике, лошадях и фермах, нежели о своей жене. Со времени нашей свадьбы он, кажется, ни разу не произнес слово «любовь».

Ах нет, произнес. На днях он сказал Бриджит: «До чего же трогательно любит меня моя жена». Я и глазом не моргнула».

Эрве пробежал одну за другой страницы, полные жалоб и насмешек. Пандора была беременна и без всякой радости ждала появления ребенка. Он должен был еще теснее связать ее с человеком, который не сумел внушить ей ни малейшей привязанности. Из наивных заметок молодой женщины постепенно складывался весьма непривлекательный портрет сэра Уильяма. Малейшее проявление его эгоизма, тщеславия, вульгарности безжалостно заносилось на бумагу свидетелем, затаившим на него горькую обиду. Меж тем сквозь строки дневника все яснее проступал другой образ – соседа, лорда Петерсона, столь же любезного, сколь отвратительным был сэр Уильям.

«26 декабря 1811. Вчера, на Рождество, лорд Петерсон принес мне в подарок обворожительного щенка. Я была, как всегда, одна, но приняла лорда Петерсона – ведь он гораздо старше меня. Он говорил со мной о литературе и об искусстве. Если бы я могла записать все его блистательные мысли! Какое наслаждение слушать его! У него изумительная память. Он читал мне наизусть стихи Вальтера Скотта и лорда Байрона. Это доставило мне громадное удовольствие.

Я знаю, что, будь я женой такого человека, как лорд Петерсон, я сделала бы огромные успехи. Но он стар, и к тому же я навеки связана с другим. Увы! Несчастливая Пандора!»

Из дальнейших записей явствовало, что на Пандору произвела большое впечатление поэма Байрона «Паломничество Чайльд Гарольда». Она даже сказала об этом мужу и услышала в ответ:

– Байрон? Да я с ним коротко знаком. Мы встречались в те времена, когда он, как и я, странствовал по свету... Мы провели вместе немало веселых ночей в Италии... По возвращении он приглашал меня к себе в Ньюстедское аббатство, где он содержит целую труппу нимф, о которых я мог бы порассказать немало забавных анекдотов, – да только они не предназначены для целомудренного слуха моей супруги... Ха-ха-ха!

Вслед за этим на глазах читателя белого альбома Пандора, которая решила заставить мужа пригласить Байрона к ним в Виндхерст, плела целую сеть хитроумных уловок. Вначале муж противился.

– Ну что он здесь станет делать? – твердил он. – Ему будет скучно. Из-за хромой ноги он не сможет сопровождать меня в далеких прогулках. К тому же он не охотник.

Жена настаивала:

– Я постараюсь его развлечь.

Сэр Уильям приходил в негодование:

– Вы?! Развлекать этого бабника, этого донжуана... Не хватает еще, чтобы я позволил жене оставаться наедине с человеком вроде Байрона. Да у меня нет ни малейшей охоты разрешать этому бездельнику браконьерствовать в моих владениях.

Однако чем громче становилась слава Байрона в Лондоне, тем охотнее деревенский эсквайр похвалялся своей дружбой с поэтом. Он начал

рассказывать о ней соседям. Рождение дочери подсказало леди Спенсер-Свифт великолепную мысль – почему бы не попросить лорда Байрона быть крестным отцом малютки? Разве не лестно, если восприемником маленькой леди будет прославленный поэт? Сэр Уильям сдался: «Хорошо, я ему напишу, но он никогда не согласится. У него и без того довольно хлопот с женщинами и стихами». Но Байрон согласился. Он любил контрасты и диссонансы. Мысль о том, что его, демонического поэта, хотят сделать крестным отцом младенца, да еще вдобавок девочки, позабавила и соблазнила его.

Эрве Марсена был настолько увлечен чтением, что не чувствовал ни голода, ни жажды, ни усталости. Но великолепный Миллер явился к нему в сопровождении лакея, несшего обед.

– Леди Спенсер-Свифт свидетельствует вам свое почтение и спрашивается, не угодно ли вам чего-нибудь, сэр?

– Ничего. Передайте леди, что документы настолько интересны, что я буду работать всю ночь.

Во взгляде дворецкого мелькнуло сдержанное неодобрение.

– Всю ночь, сэр? В самом деле? В таком случае я пришлю вам запасные свечи.

Эрве почти не прикоснулся к истинно английскому обеду и вновь схватился за альбом. Приезд Байрона был описан в лихорадочном возбуждении – почерк Пандоры стал еще более неразборчивым.

«Сегодня поутру в 11 часов приехал лорд Б. Как он красив и бледен. Должно быть, он несчастлив. Он стыдится своей хромоты. Как видно, поэтому он не ходит, а бегаёт, чтобы ее скрыть. И напрасно! Хромота делает его еще интереснее. Странно... Уильям предостерегал меня, говорил, будто лорд Б. несносно развязен с женщинами. Но со мной он не сказал и двух слов. Меж тем он время от времени украдкой поглядывает на меня, а один раз я перехватила его взгляд в зеркале. Но в разговоре он обращается только к Уильяму и лорду Петерсону, а ко мне – никогда. Почему?»

Всю ночь напролет следил Эрве Марсена, как Пандора мало-помалу поддадала под обаяние поэта. Судя по всему, юная и неопытная простушка не поняла причины столь небайронического поведения гостя. Байрон приехал в Виндхерст с твердым намерением вести себя добродетельно, во-первых, потому, что был безнадежно влюблен в другую женщину, во-вторых, потому, что считал неблагородным соблазнить жену своего хозяина, к тому же Пандора показалась ему такой наивной, юной и хрупкой, что он не хотел причинять ей страданий. В глубине души он был сентиментален и маскировал цинизмом природную чувствительность.

Вследствие всех этих причин Байрон не заговаривал с Пандорой о любви. Но мало-помалу интрига начала завязываться. Сэр Уильям напомнил Байрону о Ньюстедском аббатстве и его обитательницах-нимфах, созданиях более чем доступных. Одна из них когда-то пришлась по вкусу деревенскому эсквайру, и он выразил желание вновь ее увидеть.

– Скажите-ка, Байрон, отчего бы вам не пригласить меня в Ньюстед? Само собой разумеется, без жены.

Байрон укорил его:

– Стыдитесь! Ведь вы женились совсем недавно! А что, если жена вздумает отплатить вам той же монетой?

Сэр Уильям расхохотался:

– Моя жена? Ха-ха-ха! Да ведь она святая и к тому же обожает меня!

Пандора, которая все время была настороже, услышала издали этот диалог и не преминула занести его в свой дневник, снабдив негодующими комментариями: «“Она меня обожает”!!! Глупец! Неужели я обречена всю свою жизнь прожить подле этого чурбана! А почему бы и впрямь не отплатить ему той же монетой? После этого разговора меня охватила такая ярость, что, вздумай лорд Байрон нынче вечером в парке обнять и поцеловать меня, я, пожалуй, не стала бы противиться».

Было уже за полночь. Эрве торопливо покрывал заметками страницу за страницей. В полутемном подzemелье при догоравших свечах, которые отбрасывали все более тусклый свет, ему чудилось, будто его окружают живые тени. Он слышал раскатистое «ха-ха-ха» краснолицего хозяина замка, следил по выражению тонкого лица леди Пандоры, как нарастают ее нежные чувства, а в темном углу ему мерещился Байрон, с саркастической усмешкой наблюдающий эту столь неподходящую пару.

Французу пришлось сменить догоревшие свечи, после чего он вновь взялся за чтение. Теперь он следил за попытками сближения, которые предприняла Пандора, стремясь вывести Байрона из его сдержанной задумчивости; она проявила при этом смелость и изобретательность, неожиданные в такой молодой женщине. Задетая его равнодушием, она подзадоривала его. Под предлогом игры на бильярде она осталась наедине с поэтом.

«Нынче вечером я сказала ему: «Лорд Байрон, когда женщина любит мужчину, который не оказывает ей никакого внимания, как ей следует поступить?» Он ответил: «А вот как!» – с необыкновенной силой заключил меня в свои объятия и...» Тут одно слово было тщательно вымарано, но Эрве без большого труда удалось его разобрать: «поцеловал».

Эрве Марсена облегченно вздохнул. Он едва верил своему счастью. «Может быть, я сплуну? – думал он. – Ведь только во сне с такой полнотой сбываются порой наши самые заветные желания». Он встал и ощупал рукой громадный сейф, диван, стены, чтобы удостовериться в реальности обстановки. Никаких сомнений – все предметы вокруг него существовали на самом деле и дневник был подлинным. Он вновь погрузился в чтение.

«Я испугалась и сказала ему: «Лорд Б., я вас люблю, но я недавно родила ребенка. Он нерасторжимо связал меня с его отцом. Я могу быть для вас только другом. Но вы мне необходимы. Помогите же мне». Он выказал удивительную доброту и сочувствие. С этой минуты, когда он остается наедине со мной, всю его горечь как рукой снимает. Мне кажется, что я врачую его душу».

Молодой француз не удержался от улыбки. Он хорошо изучил Байрона и никак не мог представить его в роли терпеливого платонического воздыхателя

хрупкой молодой женщины. Ему так и чудился голос поэта: «Если она воображает, что мне по вкусу часами держать ее за руку, читая ей стихи, – ох, как она ошибается. Мы уже на той стадии, когда пора приблизить развязку».

Потом ему пришло в голову, что в связке писем, врученной ему леди Спенсер-Свифт, может найтись документ, свидетельствующий о подлинном расположении духа Байрона. Он торопливо развязал ленту. В самом деле, это были письма Байрона. Эрве сразу узнал темпераментный почерк поэта. Но в пачке были еще какие-то другие бумаги, написанные рукой Пандоры. Эрве наскоро пробежал их. Это были черновики писем леди Спенсер-Свифт, сохраненные ею.

Погрузившись в чтение переписки, Эрве с удовольствием убедился, что не ошибся в своих предположениях. Байрону очень быстро наскучили платонические отношения. Он просил Пандору назначить ему свидание ночью, когда все обитатели замка спят. Пандора противилась, но без особенной твердости. Эрве подумал: «Если вот это письмо, черновик которого я сейчас прочел, было отправлено Байрону, он должен был почувствовать, что победа недалека». В самом деле, простодушная молодая женщина приводила только один довод: «Это невозможно, потому что я не представляю себе, где мы могли бы увидеться с вами, не привлекая внимания всех в замке».

Эрве вновь взялся за альбом. Пандора записала, что для того, чтобы обмениваться письмами с Байроном, она делала вид, будто дает ему книги из своей библиотеки. Таким образом она могла в присутствии marito[4 - Муж (ит.)] передавать поклоннику книги, в которые были вложены записочки. «И это в двадцать лет!» – подумал Эрве.

«Сегодня Уильям уехал на охоту, и я целый день провела вдвоем с лордом Б., хотя и на глазах прислуги. Он был очарователен. Кто-то рассказал ему о подземелье замка, и он пожелал осмотреть его. Я не решилась спуститься с ним, но попросила гувернантку миссис Д. показать гостю подземелье. Вернувшись, он сказал странным тоном: «В один прекрасный день этому подземелью суждено стать уголком, о котором я всю жизнь буду вспоминать с живейшим восторгом». Что он хотел этим сказать? Я боюсь вникать в смысл его слов и в особенности не могу без страха думать о том, что этот восторг может быть связан с воспоминанием обо мне».

Письма и альбом помогли французу восстановить развязку приключения. Однажды ночью Пандора согласилась встретиться с Байроном в подzemелье в тот час, когда ее супруг храпел в своей спальне, а челядь ушла к себе на третий этаж. Байрон был настойчив, пылок. Она молила о пощаде.

– Лорд Байрон, – сказала она ему, – я в вашей власти. Вы можете делать со мной все, что пожелаете. Никто нас не видит, никто нас не слышит. У меня самой нет сил вам противиться. Я пыталась бороться, но любовь привела меня сюда вопреки моей собственной воле. От вас одного зависит мое спасение. Если вы злоупотребите своей властью надо мной, я уступлю вам, но потом умру от стыда и горя.

Она заливалась слезами. Байрон, тронутый мольбами молодой женщины, почувствовал прилив жалости.

– Вы просите у меня того, что превышает силы человеческие, – сказал он. – Но я так вас люблю, что готов от вас отказаться.

Они долго еще сидели на диване, тесно прижавшись друг к другу, потом Пандора поднялась в свою спальню. На следующий день Байрон объявил, что издатель Мэрэй вызывает его в Лондон, и покинул Виндхерст. В этот день Пандора сделала в дневнике запись, которая от души позабавила молодого француза.

«О глупец, глупец! – писала она. – Все кончено, все потеряно, и я осуждена вовеки не знать любви. Как он не понял, что я ведь не могла сразу броситься ему на шею. Разве женщина, воспитанная в таких правилах, как я, и вдобавок такая молодая, могла повести себя с цинизмом тех бесстыдных распутниц, с какими он привык иметь дело до сих пор? Я должна была поплакать. А он, искушенный в любви мужчина, должен был успокоить, утешить меня и заставить уступить чувству, которое уже так сильно владело мной. Но он уехал, погубив все наши надежды! Никогда в жизни не прощу ему этого!»

После этого эпизода действующие лица обменялись еще двумя письмами. Письмо Байрона было составлено в осторожных выражениях. Он, несомненно, думал о муже, который мог вскрыть конверт. Черновик письма Пандоры выдавал нежные чувства молодой женщины и ее затаенную ярость. В дальнейших

записях дневника еще несколько раз упоминалось имя Байрона, то в связи с его новой поэмой, то в связи с очередным скандалом. Бросались иронические намеки, в которых проглядывала глубокая досада. Но после 1815 года Байрон, как видно, совершенно изгладился из памяти Пандоры.

Сквозь маленькое окошко в подzemелье просочился бледный свет. Забрезжило утро. Эрве, точно выйдя из транса, медленно огляделся вокруг и вернулся в ХХ век. Какое прелестное и забавное приключение пережил он за минувшую ночь! С каким удовольствием он его опишет! Но теперь, окончив работу, он почувствовал усталость после бессонной ночи. Он потянулся, зевнул, задул свечи и поднялся в отведенную ему комнату.

Звон колокольчика возвестил час ленча. В холле поджидал величественный Миллер, который проводил француза в гостиную, где уже находилась леди Спенсер-Свифт.

– Добрый день, господин Марсена, – сказала она своим резким мужским голосом. – Мне сказали, что вы всю ночь не ложились. Надеюсь, что вы по крайней мере хорошо поработали.

– Отлично. Я все прочитал и сделал двадцать страниц выписок. Это бесподобная история. Не могу вам выразить...

Она перебила его:

– Я ведь вам говорила. Эта малютка Пандора, судя по портрету, всегда казалась мне женщиной, созданной для страсти.

– Она действительно была создана для страсти. Но вся прелесть истории в том и состоит, что она никогда не была любовницей Байрона.

Леди Спенсер-Свифт побагровела.

– Что? – переспросила она.

Молодой человек, который захватил с собой свои выписки, рассказал хозяйке всю историю, попытавшись при этом проанализировать характеры обоих

действующих лиц.

– Вот каким образом, – закончил он, – лорд Байрон в первый и последний раз в своей жизни уступил бесу нежности, а прабабка вашего мужа вовек не простила ему этой снисходительности.

Леди Спенсер-Свифт слушала не перебивая, но тут она не вытерпела.

– Nonsense! – воскликнула она. – Вы плохо разобрали текст или чего-нибудь не поняли... Пандора не была любовницей лорда Байрона?! Да все на свете знают, что она ею была. В этом графстве нет ни одной семьи, где бы не рассказывали эту историю... Не была любовницей лорда Байрона!.. Очень сожалею, господин Марсена, но если таково ваше последнее слово, я не могу разрешить вам опубликовать эти документы... Как! Вы намерены разгласить во Франции и в здешних краях, что эта великая любовь никогда не существовала! Да ведь Пандора перевернется в гробу, сударь!

– Но почему? Пандора-то знает правду лучше всех, ведь она сама записала в дневнике, что между ней и Байроном не произошло ничего предосудительного!

– Этот дневник, – объявила леди Спенсер-Свифт, – вернется на свое место в сейф и больше никогда оттуда не выйдет. Где вы его оставили?

– На столе в подzemелье, леди Спенсер-Свифт. У меня не было ключа, и поэтому я не мог положить его в сейф.

– Сейчас же после ленча мы с вами спустимся вниз и водворим все на прежнее место. Мне не следовало показывать вам семейный архив. Бедняжка Александр был против этого и на сей раз оказался прав... Что до вас, сударь, я вынуждена потребовать от вас полного молчания об этом... так называемом... открытии...

– Само собой разумеется, леди Спенсер-Свифт, я не могу напечатать ни строчки без вашего позволения, к тому же я ни за что на свете не хотел бы вызвать ваше неудовольствие. И однако, признаюсь вам, я не понимаю...

– Вам нет нужды понимать, – ответила она. – Я прошу вас о другом – забудьте.

Он вздохнул:

- Что поделаешь. Забуду... И об этом дневнике, и о своей книге.

- Очень мило и любезно с вашей стороны. Впрочем, я ничего иного и не ждала от француза. А теперь поговорим о чем-нибудь другом. Скажите, господин Марсена, как вам нравится английский климат?

После ленча они спустились в подземелье в сопровождении Миллера. Дворецкий раскрыл тяжелые створки сейфа. Старуха собственноручно уложила среди кожаных футляров и столового серебра белый альбом и пачку пожелтевших писем, перевязанных розовой лентой. Миллер снова запер сейф.

- Вот и все, - весело сказала она. - Теперь уж он останется здесь навеки.

Когда они поднялись наверх, первая группа туристов, прибывшая с автобусом, уже покупала в холле входные билеты и открытки с видами замка. Миллер стоял наготове - чтобы начать сцену с портретами.

- Зайдемте на минуту, - сказала леди Спенсер-Свифт французу.

Она остановилась поодаль от группы туристов, но внимательно прислушивалась к словам Миллера.

- Вот это, - объяснял дворецкий, - сэр Уильям Спенсер-Свифт (1775-1835). Он сражался при Ватерлоо и был личным другом Веллингтона. Портрет кисти сэра Томаса Лоренса, так же как и портрет леди Спенсер-Свифт.

Молоденькая туристка, живо выступившая вперед, чтобы получше разглядеть портрет, прошептала:

- Той самой...

- Да... - сказал Миллер, понизив голос. - Той, которая была любовницей лорда Байрона.

Старая леди Спенсер-Свифт с торжеством взглянула на француза.

– Вот видите! – сказала она.

Ариадна, сестра...

[5 - © Перевод. Ю. Яхнина, наследники, 2013.]

I. Тереза – Жерому

Эврё, 7 октября 1932 года

Я прочитала твою книгу... Да, ее прочитали все, и я в том числе... Не волнуйся: она мне понравилась... Мне кажется, будь я на твоем месте, меня преследовала бы мысль: «А как Тереза, считает ли книгу справедливой? Страдала ли, читая ее?» Но тебе-то, конечно, такие вопросы в голову не приходят. Ты ведь убежден, что проявил не только беспристрастие, но даже великодушие... Вот в каком тоне ты говоришь о нашем браке:

«Пламенно мечтая о женщине, созданной моим воображением, не только возлюбленной, но и помощнице в работе, я не разглядел в Терезе реальную женщину. Но в первые же дни совместной жизни я обнаружил в ней черты, которые можно было предвидеть заранее и которые, однако, поставили меня в тупик. Я был человек из народа и в то же время натура артистическая. Тереза выросла в богатой буржуазной семье. Ей были свойственны все добродетели и пороки ее класса. У меня была верная, скромная, по-своему неглупая жена. Но, увы! трудно вообразить существо, которое менее годилось бы в подруги человеку, чье призвание – борьба и апостольство духа...»

Ты в этом уверен, Жером? Ты уверен, что приобщил меня к «апостольству духа», когда, уступив твоим мольбам, я согласилась вопреки советам моих родителей выйти за тебя замуж? А ведь сознайся, Жером, я отважилась тогда на смелый поступок. Ты был в те годы безвестным писателем. Твои политические идеи отпугивали и возмущали меня. Я покинула богатый дом, дружную семью, чтобы

начать нелегкую совместную жизнь с тобой. Разве я роптала, когда годом позже ты объявил мне, что в Париже не можешь работать, и увез меня в глухую провинцию, в край суровый и мрачный, где в целом доме жила лишь маленькая забитая служанка – единственное существо, которое в ту пору моей жизни казалось мне еще более обездоленным, чем я? Я все терпела, на все соглашалась. Я даже долгое время делала вид, будто счастлива.

Но разве женщина может быть счастлива с тобой, Жером? Иной раз я смеюсь, горько смеюсь, когда газеты твердят о твоей силе, нравственной стойкости. Ты – сильный?.. Право, Жером, я никогда не встречала человека слабодушнее тебя. Ни разу. Нигде. Я пишу это без всякой ненависти. Пора обид миновала, и с тех пор, как мы не видимся, я вновь обрела спокойствие. Но тебе полезно это узнать. Твоя всегдашняя мнительность, неврастеническая боязнь людей, исступленная жажда похвал, наивный страх перед болезнью, смертью – да разве это признак силы, хотя плоды этого смятения – твои романы – и вводят в заблуждение твоих учеников?

Ты – сильный? Да какая же это сила, если ты настолько раним, что заболеваешь от неуспеха книги, и настолько тщеславен, что стоит глупцу обмолвиться о тебе добрым словом, и ты готов усомниться в его глупости? Тебе и в самом деле два или три в жизни пришлось бороться за свои идеи. Но ты вступал в борьбу, только тщательно все взвесив, когда был уверен в победе этих идей. В одну из редких минут откровенности ты однажды сделал мне признание, о котором, наверное, тотчас пожалел с присущей тебе осторожностью, признание, которое я не без злорадства храню в памяти.

«Чем старше становится писатель, – сказал ты, – тем радикальнее должны быть его взгляды. Это единственный способ привлечь к себе молодежь».

Бедные юноши! С наивным восторгом упиваясь твоими «Посланиями», они и представить себе не могли, насколько притворен пыл их автора, с каким продуманным макиавеллизмом они написаны.

Да, Жером, в тебе нет ни силы, ни мужественности... Может, на первый взгляд это покажется жестоким, но придется сказать тебе и это. Ты никогда не был настоящим любовником, милый Жером. После того как мы с тобой разошлись, я узнала физическую любовь. Я вкусила ее покой и блаженство, узнала счастливые ночи, когда женщина, не ведая больше никаких желаний, засыпает в объятиях сильного мужчины. Живя с тобой, я знала лишь грустное подобие

любви, жалкую пародию на нее. Я не подозревала о своем несчастье; я была молода, довольно неопытна; когда ты твердил мне, что художник должен беречь свои порывы, я верила тебе. Правда, мне хотелось хотя бы спать рядом с тобой; я нуждалась в тепле твоего тела, в капле нежности, в капле жалости. Но ты избегал моих объятий, моей постели, даже моей комнаты. И при этом ты и не подозревал о моем отчаянии.

Ты жил только ради себя, ради шумихи вокруг твоего имени, ради того тревожного любопытства, какое пробуждал в твоих читательницах герой, который на самом деле – ты-то это прекрасно знал – не имел с тобой ничего общего. Три враждебные строчки в какой-нибудь газете волновали тебя больше, чем страдания женщины, любившей тебя. Тебе случалось уделять мне внимание, но лишь тогда, когда политические деятели или писатели, мнением которых ты дорожил, приходили к нам обедать. Тогда ты хотел, чтобы я блистала. Накануне этих визитов ты подолгу беседовал со мной; ты уже не ссылался на свою священную работу, ты подробно объяснял, что надо и чего не надо говорить, каковы прославленные чудачества такого-то критика и гастрономические вкусы такого-то оратора. В эти дни ты желал, чтобы наш дом казался бедным, ибо это соответствовало твоим доктринам, но чтобы от нашего угощения текли слюнки, ибо великие мира сего тоже люди.

Помнишь ли ты, Жером, то время, когда у тебя появились деньги, большие деньги? Это и радовало тебя, ведь в глубине души ты самый обыкновенный, жадный к земле крестьянин, и вместе с тем немного смущало, потому что твои идеи плохо согласовались с богатством. Как я потешалась тогда над наивными уловками, с помощью которых твоя алчность пыталась успокоить твою совесть! «Я раздаю почти все деньги», – говорил ты. Но я-то видела счета и знала, сколько у тебя остается. Иногда я с притворным простодушием замечала как бы вскользь:

– А ведь ты не на шутку разбогател, Жером!

А ты вздыхал:

– Ненавижу этот строй... Увы, пока он существует, приходится к нему приспособливаться.

К несчастью, поскольку нападки на государственный строй были в моде, чем больше ты его осуждал, тем богаче становился. Вот ведь жестокая судьба! Бедняга Жером! Впрочем, надо отдать тебе должное: если речь заходила обо мне, ты и слышать не хотел ни о каких компромиссах. Когда я поняла, что ты стал миллионером, меня, как всех женщин, обездоленных в любви, потянуло к роскоши, к мехам, драгоценностям. Но должна признаться, что тут я всегда встречала самое добродетельное сопротивление с твоей стороны.

– Норковая шуба? – говорил ты. – Жемчужное кольцо? Как тебе это могло взбрести в голову! Разве ты не понимаешь, что скажут мои враги, если моя жена уподобится тем самым буржуазным дамам, сатирическими портретами которых я прославился?

Да, я понимала. Я отдавала себе отчет, что жена Жерома Ванса должна быть вне подозрений. Я сознавала все неприличие моих желаний. Правда, себя ты не лишал любимых игрушек – земель и ценных бумаг. Но ведь банковские счета невидимы, а бриллианты слепят глаза. Ты был прав, Жером, – как всегда.

Но я снова стерпела все. Стерплю и последнюю твою книгу. Я слышу, как вокруг все хором восхваляют смелость твоих взглядов, твою доброту (меж тем ты один из самых злых людей, каких мне приходилось встречать), твое благородство по отношению ко мне. Я молчу. Иногда подтверждаю. «Совершенно верно, – говорю я, – он был ко мне снисходителен, у меня нет никаких оснований жаловаться». Права ли я в своей великодушии? Разумно ли с моей стороны попустительствовать этой лестной для тебя легенде, которая растет и ширится вокруг твоего имени? Справедливо ли, чтобы молодежь считала своим учителем человека, которого я хорошо знаю и который даже недостойн называться мужчиной? Иногда я задаю себе все эти вопросы. Но я и пальцем не пошевелю, чтобы что-нибудь изменить. Я даже не стану, следуя твоему примеру, писать в свое оправдание мемуары. Зачем? Ты внушил мне отвращение к слову. Прощай, Жером.

II. Жером – Терезе

Париж, 15 октября 1932 года

Как и в былые времена, когда мы жили вместе, тебе захотелось сделать мне больно... Ну что ж, радуйся, тебе это удалось... Ты себя не знаешь, Тереза... Ты выдаешь себя за жертву, а ты – палач... Я тоже не сразу тебя раскусил. Я считал тебя такой, какой ты хотела казаться. Женщиной мягкой, всегда приносящей себя в жертву. Лишь мало-помалу мне открылась твоя ненасытная потребность в раздорах, твоя жестокость, твое вероломство. Натерпевшись в юности унижений от бестактных родителей, ты хочешь взять у жизни реванш. И отыгрываешься на тех, кто, на свою беду, тебя любит. Когда мы с тобой встретились, я верил в себя. Ты решила убить во мне эту веру; ты стала издеваться над моим умом, над моими взглядами, над моей внешностью. Ты сделала меня посмешищем в моих собственных глазах. Даже освободившись от тебя, я и по сей день не могу вспоминать без стыда тайные раны, нанесенные мне твоей откровенностью.

Каким безжалостным взглядом ты рассматривала меня. «До чего же ты мал, – твердила ты, – ну просто коротышка». В самом деле, я был мал ростом, и, как у большинства людей, ведущих сидячий образ жизни, у меня было больше жира, чем мускулов. Разве это преступление? Или хотя бы вина? Но я отлично понимал, что в твоих глазах это, во всяком случае, предмет для насмешки. Любовь нуждается в безоглядном доверии. Вместе с одеждой любящие отбрасывают прочь все страхи, подозрительность, застенчивость. А я, лежа рядом с тобой, все время чувствовал на себе враждебный взгляд женщины, которая, ни на минуту не теряя власти над своими чувствами, холодно и трезво оценивает меня. Да как же мог я быть хорошим любовником, когда я тебя боялся? Как мог я стать с тобой тем, кем должен быть в любви мужчина: предприимчивым, повинующимся инстинкту существом, когда со стороны моей партнерши я встречал только внутреннее сопротивление и преувеличенную стыдливость? Ты винишь меня за то, что я избегал твоего ложа. А ты не подумала о том, что сама согнала меня с него?

«А ведь сознайся, – пишешь ты, – выходя за тебя, я отважилась на смелый поступок...» Но разве ты уже и тогда не была убеждена, что меня ждет в скором времени громкая известность? Твой выбор, Тереза, пал на меня потому, что ты увидела во мне нечто живое, настоящее, что было в диковинку для тебя и твоего окружения. А может, еще и потому, что ты почувствовала мою ранимость, а ведь главная, единственная твоя услада – причинять боль другому... Мне теперь очень трудно припомнить, каким я был в пору нашего первого знакомства. Мне кажется, я был действительно человеком незаурядным – я верил в свои взгляды, в свое призвание... Но ты приложила все усилия к тому, чтобы убить во мне этого человека. Когда мне казалось, что я счастлив, ты сокрушала меня своей жалостью. Странное дело. Ты вышла за меня замуж, потому что чувствовала во

мне силу. Но именно против этой силы ты и ополчилась. Впрочем, в твоих поступках не следует искать ни логики, ни умысла. Как и многие женщины, ты просто жалкая игрушка своей плоти и нервов. Несчастливая юность изломала тебя, неудачи озлобили. Пока ты жила с родителями, ты на них вымещала снедающую тебя ненависть, а с того дня, как твоим спутником жизни стал я, ты начала преследовать меня.

«Вот уж неожиданные попреки... – скажешь ты. – Он высосал эти обвинения из пальца, чтобы отомстить за мое письмо!..»

И ты с торжеством поспешишь указать на то место в книге, которое ты уже не преминула отметить: «У меня была верная, скромная, неглупая жена». Но не доверяй этим чересчур снисходительным строкам, Тереза. Раз уж ты вынуждаешь меня к крайности, заставляешь ни перед чем не останавливаться, изволь, я покаюсь тебе: эта фраза – ложь. Сознательная ложь. Я хотел разыграть великодушие. Я был не прав. Лицемерие всегда вредит произведениям искусства. Мне следовало без всякой жалости показать, какое ты чудовище и сколько зла ты мне причинила.

«Верная»? Еще до того, как я разошелся с тобой, я уже знал, что ты мне изменяешь. Но зачем было это оглашать? Это только нанесло бы мне ущерб, а тебе стяжало бы лестные лавры ветреницы. «Скромная»? У тебя сатанинская гордость, и большинство твоих поступков вызвано жаждой властвовать, ослеплять. «Неглупая»? Да, многие теперь находят тебя умной. Ты и в самом деле поумнела. Но знаешь отчего? Это я сделал тебя такой. За двадцать лет ты позаимствовала у меня все, чего тебе недоставало: взгляды, знания, даже словарь. И теперь, после долгих лет разлуки, в тебе все еще жив тот дух, что я вдохнул в тебя, и даже письмо, которым ты надеялась меня сокрушить, всей своей силой обязано мне.

Я тщеславен? Нет, я горд. Я вынужден непрестанно твердить, что верю в свои силы, чтобы стряхнуть с себя злое наваждение – дело твоих рук. Не стану перебирать все строки твоего письма. Я не хочу играть тебе на руку, причиняя себе бесполезные страдания. Однако добавлю еще два слова. «Я горько смеюсь, – пишешь ты, – когда газеты твердят о твоей силе... я никогда не встречала человека слабодушнее тебя...» Ты отлично знаешь, Тереза, что в данном случае ты смешиваешь две разные вещи, хотя делаешь вид, будто не замечаешь этого. Ты не имеешь на это права. Каким я был в наших личных отношениях – касается только нас двоих. Теперь, как и ты, я считаю, что в этой

борьбе я был слишком слаб. Я держал себя так из жалости, но к жалости зачастую примешивается трусость. Однако ты прикидываешься, будто не знаешь, что человек, слабый и беспомощный в повседневной жизни, может создавать могучие творения. А на самом деле очень часто так и бывает – именно слабые люди обладают громадной творческой силой. Поверь мне, Тереза, то, что молодежь видит в моих книгах, в них действительно есть. И по зрелом размышлении я прихожу к мысли, что, хотя ты и причинила мне много страданий, за них-то я и должен теперь, когда боль притупилась, поблагодарить тебя. Именно твоей постоянной ненависти я во многом обязан тем, чем я стал.

По натуре своей ты – прежде всего разрушительница. В эту форму облеклась твоя злоба. Поскольку ты не была счастлива, ты ненавидишь счастье, выпадавшее на долю других. Поскольку тебе несвойственна чувственность, ты презираешь наслаждение. Досада превратила тебя в пронизательного и одержимого наблюдателя. Подобно тем лучам, которые сразу обнаруживают в громадном куске железа свищ – угрозу его прочности, ты мгновенно нащупываешь в человеке слабое место. Ты умеешь находить изъян в любом достоинстве. Это редкий дар, Тереза, но это проклятый дар. Потому что ты забываешь, что достоинства все-таки существуют и железные балки выдерживают проверку временем. Я знаю, что мне свойственны все те слабости, которые ты так безжалостно перечислила. У тебя зоркий глаз, Тереза, на редкость пронизательный. Но слабости мои вкраплены в такую монолитную, твердую породу, что ни одному человеку не под силу ее сокрушить. Даже тебе это не удалось, и мое творчество, моя душа вырвались невредимыми из-под твоей пагубной власти.

«Разве женщина, – пишешь ты, – может быть счастлива с тобой?!» Я хочу, чтобы ты знала, что и я после развода с тобой узнал счастливую любовь. Я обрел покой в браке с простой и сердечной женщиной. Мне так и видится твоя усмешка: «Ты – возможно, но она?..» Если бы ты хоть мельком увидела Надин, ты поняла бы, что и она счастлива. Ведь не всем женщинам свойственна потребность убивать, чтобы жить... Кого ты убиваешь теперь?

III. Надин – Терезе

Париж, 2 февраля 1937 года

Вы, наверное, удивитесь, мадам, получив письмо от меня. Молве угодно считать нас врагами. Не знаю, как вы относитесь ко мне. Что до меня, то я не только не питаю к вам ненависти, но, скорее, наоборот, чувствую к вам невольную симпатию. Если прежде, в пору вашего развода, я в течение нескольких месяцев видела в вас соперницу, которую любой ценой следовало вытеснить из сердца моего избранника, то вскоре после моего замужества вы стали для меня как бы невидимой сообщницей. Я уверена, что умершие жены Синеи Бороды встречаются в памяти их общего супруга. Жером, сам того не желая, рассказывал мне о вас. А я пыталась представить себе, как вы держались с этим человеком, таким необычным, таким трудным, и мне часто приходило в голову, что ваша жестокость была разумнее моего терпения.

После смерти Жерома мне пришлось разбирать его бумаги. Среди них я нашла много ваших писем. Одно из них произвело на меня особенно сильное впечатление. Я имею в виду письмо, которое вы написали ему пять лет назад, после опубликования его «Дневника». Я не раз говорила ему, что эта страница вас оскорбит. Я просила вычеркнуть ее. Однако этот бесхарактерный человек проявлял редкостную твердость и упрямство, когда речь шла о его творчестве. Ваш ответ был безжалостен. Но вы, наверное, удивитесь, узнав, что я нахожу его не лишенным справедливости.

Не подумайте, что я предаю Жерома после его кончины. Я его любила; я храню ему верность; но я способна судить о нем беспристрастно и не умею лгать. Как писатель он достоин восхищения: он был и талантлив, и честен. О человеке же вы сказали правду. Нет, Жером не был апостолом, во всяком случае, если ученики принимали его за апостола, нас, своих жен, ввести в заблуждение ему не удалось. Он всегда чувствовал потребность окружать свои поступки, свои политические взгляды, вообще всю свою жизнь ореолом святости, но мы-то знаем, что мотивы, побуждавшие его действовать именно так, а не иначе, были довольно ничтожны. Он возводил в добродетель свою ненависть к светской суете, но истинная причина этой ненависти крылась в его болезненной застенчивости. Он всегда держал себя с женщинами как внимательный и почтительный друг, но и в этом сказывался, как вы писали ему, скорее недостаток темперамента, чем душевная мягкость. Он уклонялся от официальных почестей, но и это скорее из гордости и расчета, нежели из скромности. И наконец, ни разу он не принес жертвы, которая не обернулась бы выгодой для него, но при этом он хотел, чтобы мы слепо верили в его ловкую непрактичность.

Уверяю вас, мадам, что Жером сам не понимал своего истинного характера и что этот человек, так сурово и пронизательно читавший в душах других людей, сошел в могилу, убежденный в своей жизненной мудрости.

Была ли я с ним счастлива? Да, была, несмотря на множество разочарований, потому что мне никогда не наскучивало наблюдать это вечно меняющееся, фантастически интересное существо. Сама его двойственность, о которой я сейчас говорила, превращала его в живую загадку. Я не уставала слушать его, спрашивать, изучать. В особенности меня трогала его слабость. В последние годы я относилась к нему скорее как снисходительная мать, нежели как влюбленная женщина. Но не все ли равно, как любишь, когда любишь? Наедине с собой я его проклинала, но стоило ему появиться – и я прощала все. Впрочем, он и не подозревал о моих страданиях. Да и к чему? Я считала, что женщина, которая сорвала бы с него маску и показала ему в зеркале его подлинное лицо, навлекла бы на себя ненависть Жерома, ни в чем его не убедив. Даже вы решились высказать ему правду только тогда, когда поняли, что он для вас потерян безвозвратно.

И однако, какой след оставили вы в его жизни! После того как вы с ним расстались, Жером, живя со мной, год за годом только и делал, что вновь и вновь описывал историю вашего разрыва. Вы были его единственной героиней, главным персонажем всех его книг. Всюду под различными именами я вновь и вновь узнавала вашу прическу флорентийского пажа, вашу величавую осанку, вашу резкую прямооту, надменное целомудрие и жесткий блеск ваших глаз. Ему никогда не удавалось изобразить мои чувства и мои черты. Он неоднократно принимался за это, желая доставить мне удовольствие. Ах, если бы вы знали, как я страдала каждый раз, видя, как образ, который он лепит с меня, помимо воли скульптора постепенно приобретает черты женщины, похожей на вас! Один из его рассказов назван моим именем – «Надин», но разве не ясно, что его героиня, неприступная и мудрая девственница, – тоже вы? Сколько раз я, бывало, плакала, переписывая главы, в которых вы появляетесь то в роли загадочной невесты, то в роли неверной, обожаемой жены, то в роли злодейки – ненавистной, несправедливой и все-таки желанной.

Да, с тех самых пор, как вы покинули его, Жером жил воспоминаниями, дурными воспоминаниями, которые вы оставили по себе. А ведь я старалась сделать его жизнь спокойной, безмятежной, чтобы он мог целиком посвятить себя творчеству. Теперь я задаюсь вопросом: права ли я была? Быть может, великому таланту нужно страдать? Быть может, однообразие для него пагубнее ревности,

ненависти и боли? Ведь и вправду, самые человечные свои книги Жером написал в те годы, когда вы были его женой; а оставшись без вас, он все время мысленно возвращался к последним месяцам вашей совместной жизни. Даже жестокость вашего письма, которое сейчас лежит передо мной, не излечила его. Все последние годы он пытался на него ответить и в мыслях своих, и в книгах. Его последнее, незаконченное произведение, рукопись которого хранится у меня, представляет собой нечто вроде беспощадной исповеди, в которой он, пытаясь себя оправдать, предается самоистязанию. Ах, как я завидую, мадам, той страшной власти тревожить его сердце, какую вам давала ваша неуязвимая холодность!

Зачем я вам все это говорю теперь? Да потому, что мне уже давно хотелось вам это высказать. Потому, что только вы одна можете это понять, а также потому, что моя искренность, я надеюсь, расположит вас ко мне и вы согласитесь оказать мне небольшую услугу. Вам известно, что после смерти Жерома о нем много пишут. На мой взгляд, суждения о его творчестве недостаточно глубоки и не очень справедливы, но в эту область я не намерена вторгаться. Критики имеют право на ошибки: потомство вынесет свой приговор. Я считаю, что книги Жерома относятся к числу тех, которым суждено пережить их автора. Но я не могу сохранять такое же спокойствие, когда биографы искажают облик Жерома и мою жизнь с ним. Подробности семейного быта Жерома, интимные черты его характера были известны только нам с вами, мадам. После долгих колебаний я пришла к выводу, что не вправе унести с собой в могилу свои воспоминания.

Итак, я намерена написать книгу о Жероме. О, я знаю, что лишена таланта. Но в данном случае важна не столько форма, сколько материал. По крайней мере я оставлю свидетельство и надеюсь, что в будущем оно пригодится какому-нибудь талантливому биографу для воссоздания истинного портрета Жерома. Вот уже несколько месяцев я собираю необходимые документы. Однако мне все еще не хватает материалов об одном периоде – вашей помолвке и браке. Быть может, это не принято и слишком смело, но я решила со всей откровенностью и без церемоний обратиться к вам и просить вас о помощи. Пожалуй, я не отважилась бы на это, если бы не питала к вам, как я уже писала, необъяснимую, но искреннюю симпатию. Я вас никогда не видела, но у меня такое чувство, будто я знаю вас лучше, чем кто бы то ни было. Интуиция подсказывает мне, что я поступаю правильно, обращаясь к вам так откровенно, хотя это и граничит с дерзостью. Напишите мне, пожалуйста, где и когда я могу встретиться с вами, чтобы рассказать вам о своих планах. Я полагаю, что вам нужно время, чтобы найти и разобрать старые бумаги, если вы их сохранили, но так или иначе я хотела бы как можно скорее побеседовать с вами. Я хотела бы рассказать вам,

как я задумала эту книгу. Тогда вы поймете, что с моей стороны вам нечего опасаться ни осуждения, ни даже пристрастных оценок. Наоборот, обещаю вам употребить весь свой женский такт на то, чтобы воздать вам должное. Я прекрасно знаю, что вы построили свою жизнь заново, и позабочусь о том, чтобы не процитировать ни одного документа, не сказать ничего такого, что могло бы поставить вас теперь в неловкое положение. Заранее благодарю вас за все, чем вы захотите – в этом я не сомневаюсь – облегчить мою задачу.

Надин Жером-Ванс

P.S. Этим летом я еду в Уриаж, чтобы, если можно так выразиться, описать с натуры те места, где Жером был впервые представлен вам на веранде отеля «Стендаль». Я бы хотела также посетить имение ваших родителей.

P.P.S. У меня не хватает данных о связи Жерома с мадам де Вернье. Известно ли вам что-нибудь о ней? Жером непрестанно говорил о вас, но на вопросы об этом юношеском романе отвечал всегда сдержанно, скупно и уклончиво. Верно ли, что мадам де В. приехала к нему в Модану в 1907 году и сопровождала его в поездке по Италии?

Как звали бабушку Жерома по отцу – Ортанс или Мелани?

IV. Тереза – Надин

Эврё, 4 февраля 1937 года

К большому моему сожалению, мадам, я ничем не могу вам помочь. Дело в том, что я сама решила опубликовать «Жизнь Жерома Ванса». Правда, его вдова – вы, вы носите его имя, и поэтому томик ваших воспоминаний будет, без сомнения, хорошо принят публикой. Но нам с вами не пристало лукавить друг с другом: согласитесь, мадам, что вы очень мало знали Жерома. Вы вышли за него в ту пору, когда он уже стал знаменитостью и его общественная деятельность как бы затмила его личную жизнь. Зато я была свидетельницей рождения таланта и возникновения легенды, к тому же вы сами любезно признаете, что лучшие из

книг Жерома были написаны при мне или в память обо мне.

Не забудьте также, что ни одна серьезная биография Жерома не может обойтись без документов, которые принадлежат мне. У меня сохранилось две тысячи писем Жерома, писем, полных любви и ненависти, не считая моих ответов, черновики которых я тоже сберегла. Двадцать лет подряд я вырезала все статьи о Жерома и его книгах, собирала письма его друзей и неизвестных почитателей. Я храню все речи Жерома, его лекции и статьи.

Директор Национальной библиотеки, который недавно составил опись этих сокровищ, потому что я намерена преподнести их в дар государству, сказал мне: «Это выдающаяся коллекция». Приведу лишь один пример: вы спрашиваете меня, как звали бордоскую бабку Жерома, а у меня на эту Ортанс-Полин-Мелани Ванс заведено целое досье, как, впрочем, и на всех остальных предков Жерома.

Жером любил говорить о себе как о «человеке из народа». Но это выдумка. В конце XVIII века семейство Ванс владело небольшим поместьем в Перигоре; дед и бабка Жерома по материнской линии прибрали к рукам около сотни гектаров неподалеку от Мериньяка. При Луи-Филиппе дед Жерома был мэром своего городка, а один из братьев деда – иезуитом. Все в округе считали Вансов состоятельными буржуа. Я собираюсь рассказать об этом в своей книге. Не подумайте, что таким образом я хочу подчеркнуть тот снобизм наизнанку, который был одной из слабостей бедняги Жерома. Нет, я намерена быть беспристрастной и даже снисходительной. Но я не хочу ничего приукрашивать. Впрочем, это был, пожалуй, самый простительный недостаток великого человека, которого мы с вами, мадам, любили и... судили.

По отношению к вам я, разумеется, проявлю не меньшее великодушие, чем вы ко мне. Зачем терзать друг друга? Правда, я располагаю письмами, из которых явствует, что, прежде чем стать женой Жерома, вы были его любовницей, но я не собираюсь их цитировать. Я ненавижу скандалы, кого бы они ни затрагивали – меня или других. И потом, в чем бы я ни упрекала Жерома, я по-прежнему восхищаюсь его творчеством и готова служить ему по мере сил с полным самоотречением.

Поскольку наши книги, по-видимому, выйдут почти одновременно, нам, вероятно, следовало бы обменяться гранками. Таким образом мы избегнем противоречий, которые могут возбудить подозрения критиков.

Все, что касается старости Жерома, его угасания после первого апоплексического удара, вы знаете лучше меня. Этот период его жизни я полностью предоставляю вам. Я хочу довести свою книгу до того момента, когда мы с ним расстались (к чему вспоминать ссоры, которые начались вслед за этим?). Но в эпилоге я кратко расскажу о вашем замужестве, потом о моем и о том, как я узнала о смерти Жерома в Америке, где я жила со своим вторым мужем. Сидя в кинотеатре, я вдруг во время показа хроники увидела на экране торжественную церемонию похорон, последние фотографии Жерома и вас, мадам, как вы спускаетесь с трибуны, опершись на руку премьер-министра. По моему, это очень выигрышный конец для книги.

Впрочем, я совершенно уверена, что и вы напишете прелестную книжицу.

V. Мадам Жером-Ванс - издательству «Лис»

Париж, 7 февраля 1937 года

Я только что узнала, что мадам Тереза Берже (которая, как вам известно, была первой женой моего мужа) готовит том своих воспоминаний. Нам необходимо ее опередить и для этого опубликовать нашу книгу к осени. Я представлю вам рукопись 15 июля. Меня очень порадовало, что Соединенные Штаты и Бразилия сделали заявки на право издания книги.

VI. Тереза - Надин

Эврё, 9 декабря 1937 года

Мадам, в связи с успехом моей книги в Америке (Клуб книги присудил ей премию «Лучшей книги месяца») я недавно получила две длинные телеграммы из Голливуда и, прежде чем ответить на них, считаю своим долгом выяснить ваше мнение. Агент одного из крупнейших продюсеров Голливуда предлагает мне экранизировать «Жизнь Жерома Ванса». Вам известно, что Жером очень популярен в Соединенных Штатах в среде либеральной интеллигенции и его

«Послания» считаются там классикой. По причине этой популярности, а также из-за того, что в фигуре нашего мужа американцы видят нечто апостольское, продюсер хочет, чтобы и фильм получился трогательный и благородный. Вначале у меня просто волосы встали дыбом от некоторых его требований. Но, поразмыслив, я решила, что мы обязаны пойти на любую жертву ради того, чтобы завоевать Жерому всемирное признание, содействовать которому в наше время может только кинематограф. Мы обе хорошо знали Жерома и понимаем, что и сам он поступил бы точно так же, потому что, когда речь шла о славе, историческая истина всегда отступала для Жерома на второй план.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19389540&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

© Перевод. Ю. Яхнина, наследники, 2013.

2

Дворецкий (англ.).

3

Чепуха (англ.).

4

Муж (ит.).

5

© Перевод. Ю. Яхнина, наследники, 2013.

Купить: <https://telnovel.com/andre-morua/fialki-po-sredam-sbornik-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)